

The background of the cover is a dense, detailed botanical illustration. It features a variety of flowers in different colors: orange, pink, blue, purple, and white. Some flowers are in full bloom, while others are buds or seed heads. The stems and leaves are finely drawn, creating a complex, layered texture. In the center, there is a dark, almost black silhouette of a person's head and shoulders. The person's face is not visible; instead, it is filled with the same floral patterns seen in the background. The person appears to be wearing a dark, high-collared garment. The overall style is reminiscent of a vintage botanical print or a modern artistic collage.

18+

артём косов

ЗАБЫЛ БЫТЬ РОМАНТИКОМ

Артём Косов

Забыл быть романтиком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72422179

ISBN 9785006784161

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Забыл быть романтиком» – это состояние, это выражение, которым ты объясняешь всё, что с тобой случилось. Когда-то я был романтиком, а когда-то не был. Когда-то я делал всё правильно, а когда-то делал всё неправильно. Когда-то я был, а потом не был. К выражению «забыл быть романтиком» можно добавить «так я», или «поэтому», или «а потом вспомнил», или ещё что-нибудь, что может хорошо дополнить эту фразу.

Содержание

Предисловие	5
ПАПОРОТНИК	7
ПОДСТАВА	14
ШРАМ	22
АПРЕЛЬСКИМ УТРОМ НА ЮГЕ МОСКВЫ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Забыл быть романтиком

Артём Косов

Иллюстратор Денис Владимирович Косов

Дизайнер обложки Татьяна Владимировна Некрасова

© Артём Косов, 2025

© Денис Владимирович Косов, иллюстрации, 2025

© Татьяна Владимировна Некрасова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-8416-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Забыл быть романтиком» – название, идеально подходящее к книге, идеально подходящее к сборнику ранней прозы. Я долго думал, как обозначить эпоху, состоящую из моих самых ранних рассказов, рассказов чуть лучше, хороших рассказов и очень хороших рассказов. И когда название пришло – а оно попало мне само собой, так просто, зимним днём, когда я шёл под эстакадой Волгоградского проспекта в Москве, возвращаясь домой, – тогда я совсем не знал, как объяснить «Забыл быть романтиком» и что это всё значит.

«Забыл быть романтиком» – это состояние, которым ты объясняешь всё, что с тобой случилось. Когда-то я был романтиком, а когда-то не был. Когда-то я делал всё правильно, а когда-то делал всё неправильно. Когда-то я был, а потом не был. К выражению «забыл быть романтиком» можно добавить «так я», или «поэтому», или «а потом вспомнил», или ещё что-нибудь, что может хорошо дополнить эту фразу.

Со временем я понял, что объяснение названия «Забыл быть романтиком» не важно. Его легко разжевать, но лучше и проще всего его почувствовать. А почувствовать это проще всего, прочтя все рассказы, что я поместил в этот сборник. Самые ранние. Те, что получше. Хорошие. Очень хорошие.

Всё, не люблю я долгие вступления.

Ваш К.

ПАПОРОТНИК

Мы с мамой переехали от бабушки.

Я ходил в пятый класс. Теперь мы с мамой должны были жить вдвоём. Наша квартира находилась в доме через дорогу от бабушкиного. Этот район я знал очень хорошо. Мама продолжала почти непрерывно работать – часто ездить в командировки. На то время, когда её не было дома, бабушка возвращалась в мою жизнь. В нашу с мамой новую квартиру она, можно сказать, переезжала.

Мы с мамой переехали от бабушки.

Квартиру мы сняли двухкомнатную. Мне достался зал, а маме – спальня. Маме нужна была только кровать, чтобы на ней спать. Спала она всегда, когда не работала, спала всегда, когда оставалась дома. А я был тогда школьником, во-

дил друзей. Но когда мамы дома не было, а не было её с каждым разом всё дольше, у нас жила бабушка, которая не любила, когда в квартиру приводят друзей. Ожидание и реальность – это моя мама и бабушка. И пока ожидание было только в воспоминаниях, реальность занимала комнату ожидания. Бабушка спала в маминной комнате. Даже когда мама была в городе, бабушка оставалась у нас, но тогда уже в моей комнате. Она занимала диван и выбирала любимые каналы на телевизоре, а мне доставались книжки и сон в кресле-раскладушке.

– Теперь вы живёте одни, – говорила моя бабушка, стоя на кухне, моя посуда в нашей с мамой съёмной квартире. – Ты должен учиться быть самостоятельным.

Я слушал её, параллельно читая о Шерлоке Холмсе.

– Правильно, – хвалила она меня, кивая на книгу, – читай. Мы с мамой переехали от бабушки.

Но она стала приходить всё чаще. Бабушка просыпалась у себя дома и шла к нам, готовила нам с мамой обед и ужин, как и было раньше, но только в бабушкиной квартире через дорогу. Между готовкой и уборкой она читала Библию. Со временем познакомилась с бабушками, которые обычно стоят возле подъезда: караулят, кто вошёл и кто вышел, гоняют бомжей, превращая их в алкоголиков с домами или наоборот, и обсуждают цены на сахар и гречку. Те бабушки не читали Библию. А те, кого бабушка уговорила почитать Библию, не читали её настолько трепетно, как этого требова-

ло бабушкино желание. Дружбы не случилось. Мы с мамой жили отдельно, но толком ничего не поменялось. Бабушка стала обустривать квартиру: стирала шторы, выбивала ковры, чистила сервиз.

Только я заходил домой – на столе уже стоял обед. Мы с бабушкой ели. Она спрашивала меня про школу, про оценки, про учителей, про друзей. Я рассказывал. Когда мы всё съедали, она собирала тарелки со стола и клала их в раковину, а потом мыла их. Кухонный стол превращался в стол для домашней работы, и я оставался на кухне делать уроки. Бабушка уходила читать Библию, называя это «тоже уроками». Помимо рассказов о своём домашнем задании на уроках в школе, бабушка просила меня изредка упоминать о том, как здорово читать Библию, и что вот бы её тоже все почитали. Но я не рассказывал. Мне даже своё домашнее задание было сложно повторить.

Как-то раз бабушка зашла на кухню и сказала тихим, полным интриги голосом:

– Пойдём, что покажу.

Отложив математику, я встал. Мы пошли в мою комнату-зал.

– Смотри, – сказала она. В углу зала, на столе, стоял горшок с большим папоротником.

Бабушка продолжала:

– Нашла его у вас. Его давно никто не поливал, он чуть не умер. Спросила у тёти Тани журнал про растения. Надо бы

за ним поухаживать, а то квартира не ваша, ещё поругаются.

– А я его никогда не видел тут, – сказал я.

– Он был спрятан у мамы в комнате. Теперь вы живёте одни, ты поливай его каждую субботу. Им много воды не нужно.

Я подошёл к столу. Единственное, что я знал о папоротниках: они размножаются спорами. Взяв один из его длинных стеблей, заглянув под него, я увидел те самые споры – маленькие зёрнышки коричневого цвета.

– Здорово! – обрадовался я. – Бабушка, смотри, это споры. Так папоротники размножаются.

– Прекрасно, что ты это знаешь, – похвалила она меня. – Но пусть споры останутся у растений. Человеку они ни к чему.

Я почувствовал себя самостоятельным. Теперь у меня было что-то, о чём я должен был заботиться. Был ошутим гигантский прилив сил и уверенности. Даже мои оценки в школе стали лучше. Я каждую субботу поливал папоротник.

Мы с мамой переехали от бабушки.

Первое время она была у нас часто, почти постоянно. Но после их разговора с мамой – тогда мама долго плакала, а затем долго смеялась, но потом всё-таки ещё поплакала, но уже не так долго, – после этого самого разговора появления бабушки у нас стали редкостью. Теперь я сам приходил к ней. Её дом стоял напротив школы. Я обедал у неё, а потом шёл к себе, в квартиру, которую мы снимали с мамой.

За столом у бабушки я рассказывал про школу, про оценки, про преподавателей, про друзей и очень много говорил про папоротник, который я поливал каждую субботу.

В пятницу я с нетерпением ждал следующего дня. Субботы. Я ждал, как приду домой, положу рюкзак, сниму школьную форму, повешу её на вешалку, как оденусь в домашнюю одежду (ходил я всегда без тапочек и без носков), как наберу воды из крана в стеклянный стакан и как подойду к моему папоротнику и полью его. Поливать каждую субботу – дословно из журнала, который бабушка взяла у тёти Тани.

Мы с мамой переехали от бабушки.

По субботам последним уроком была физкультура. Зимой мы выходили на улицу. Девочки катались на коньках по льду в хоккейной коробке, а мы, мальчишки, на лыжах вокруг школы. Я сильно уставал. Кататься на лыжах я не любил, меня заставляли. Иногда мы прятались за бортиками коробки, но кататься, пусть и неуклюже, было теплее, чем сидеть в снегу под забором.

Как-то раз, после очередного урока физкультуры, я спешил домой. Раскидав ботинки по углам прихожей нашей с мамой съёмной квартиры, я хотел скорее дойти до дивана и упасть, пропасть в холодных простынях, короче – уснуть. Так я и сделал.

Проснувшись через час, я понял, что уснул в школьной форме, а моя рука сильно затекла. Словно тысячи иголок вместе покалывали мою ладонь. Напротив моего дивана сто-

ял сервант, за стеклом которого находился сервиз и много посуды, расписанной в стиле гжель. Не наш, а чужой набор. Всё как надо, такой я всегда и представлял себе взрослые квартиры. Но ведь это была не моя квартира, мама и я просто её снимали. Но мы были окружены вещами тех, кто жил в этой квартире до нас. И я перенимал культуру тех, кто жил в этой квартире до нас. Культура давно исчезнувших и незнакомых людей становилась моей культурой, даже если я в ней не нуждался. За стеклом стоял большой расписной сервиз и пара чёрно-белых фотографий, на которых я никого не знал. Эти люди были мертвы. Но мы решили не убирать их из уважения к ним. Ниже на полке стоял горшок с моим папоротником.

Солнце своими лучами нагло проникало ко мне в комнату. Близился закат. Я сел и стал разминать почти онемевшую ладонь, разгонять кровь внутри. Взгляд мой остановился на маленьких каплях воды на папоротнике. Они переливались на солнце. Я замер, стал наблюдать эту красоту. Первое, о чём я подумал: расскажу бабушке. Меня тянуло рассмотреть всё поближе.

Своей рукой я осторожно потянулся к одной из капелек на листочках папоротника. Меня окутал страх сломать красоту навсегда, ведь всякая красота неповторима! Дотронувшись аккуратно указательным пальцем до одной из капелек, я искренне удивился: он не стал мокрым или даже влажным. Мой палец так и остался сухим! А капелька не думала терять

свою прекрасную форму. Тогда я надавил на неё – ничего не произошло. Я пригляделся – это клей. По всем листкам моего папоротника были разбросаны капельки клея! Я отскочил. А потом вернулся и схватил горшок обеими руками. Капли из клея! Листья из ткани! Корни из пластика!

Полгода я поливал искусственный цветок! Вот что я рассказал в тот вечер бабушке по телефону. Мы долго смеялись, а потом попрощались. Я положил трубку и остался стоять в коридоре один.

Мы с мамой переехали от бабушки.

ПОДСТАВА

Когда-то я был маленьким.

И, как любого такого же маленького, меня тянуло к другим маленьким. Потому что ниже нас были только жуки, кошки и собаки, с которыми мы не общались. Животные не разговаривают. А взрослые, хоть и выше (правда, встречались и похожие на нас), но те всё время говорили о скучном. А мы никогда не молчали.

Мы собирались на детских площадках.

Песочница – город и подземная парковка, иногда куличики, но даже девочкам нравилось закапывать машинки и кукол поглубже. Карусель – вертолёт или экспресс; два круга влево, и ты на новой площадке, чтобы вернуться, нужно сделать два круга вправо, а то потеряешься, и родители будут

ругать. Горка – вентиляция банка, которая поможет его ограбить или спасти всех заложников; всё зависело от того, каким Брюс Уиллис окажется на экране канала СТС в 21:00. «Смерть ей к лицу»¹ всех разочаровала. Качели – качели. Всем нравилось закидывать голову, чтобы видеть мир наоборот, иначе или просто вверх ногами, и ещё прыгать. Плеваться, кто дальше. Лишь бы не попасть на себя, а такое часто бывало.

Счастливое детство – лишь набор красок, спаянных железных прутьев и масло, чтобы не скрипело.

Там, где я рос и виделся с маленькими, было две детских площадки. А, три, точно. Старая, новая и другая. Новая – напротив моего дома, прямо за хоккейной площадкой, на которой никогда не было льда. Зимой там выгуливали собак, а летом собиралась группа гимнасток. Что-то щекотало у меня под рёбрами, когда я смотрел, как они выполняют движения голыми руками на асфальте. Их тренер приезжала изда- лека, сорок минут на маршрутке.

Старая площадка была во дворе пятиэтажек. Из окон самого ближайшего дома кто-то во всех велосипедистов, проезжающих мимо, постоянно бросался луком. И в меня. Небольшая луковица однажды ударила меня по голове, я резко повернул и проехал ещё немного, пока не упал.

¹ «Смерть ей к лицу» – американская фантастическая чёрная комедия 1992 года режиссёра Роберта Земекиса. Герой Брюса Уиллиса в ней совсем не «крепкий орешек».

За неделю до этого родители на рынке сказали: «Дешевле – лучше, ты всё равно растёшь». Я проехал несколько метров в сторону парковки после того попадания луковицы прямо по моей растущей голове. Ещё одна, очень мелкая луковичка, застряла в переднем колесе моего велосипеда, и он вышел из строя. Колесо выскочило и отлетело в сторону, то есть куда-то вперёд, где меня ещё не было. Всё двигалось само по себе. Заднее колесо не тормозило, потому что цепь слетела. Я упёрся в землю той штукой, которая когда-то держала моё переднее колесо – теперь там осталась деталь, похожая на вилку. Я хотел спрыгнуть. Но перевернулся через руль, потому что от удара он расшатался. Крепко держа руль, как меня и учили, я оказался на асфальте. Вокруг лежали непонятные сломанные и поржавевшие детали. Будто у меня никогда не было велосипеда. Только фантазия о нём.

Однажды и мой папа ехал на велосипеде, тоже в детстве. Тогда он врезался в мусорку. Сломал нос. Теперь я его понимал. А ещё он тоже ходил на старую детскую площадку. Прямо как я. И тогда он тоже называл эту площадку старой, потому что всё на ней скрипело. Горка была построена из остатков местной котельной. Они закопали в землю трубу, по которой должна была идти горячая вода, и поэтому её цвет был красный. Забравшись на эту горку, мне казалось, что я был выше своего дома, а тот был девятиэтажным. Когда я смотрел вниз, моё сердце стучало быстрее.

Лестницу сделали из лишних частей забора. Поднимать-

ся было больно, чугунные прутья резали ступни, но сначала протирали подошву на сандалиях. Саму горку сделали из металлических пластин. Точно такие же я видел на крыше пятиэтажного дома, из которого кидались луком. Да, с горки было хорошо видна крыша пятиэтажки, стоящей напротив.

Когда мой папа стал папой, а я – маленьким, он часто водил меня на старую детскую площадку, где я мог быть Человеком-пауком, потому что мои пальцы отлично прилипали к тем железным пластинам, из которых была построена горка. Я мог забираться по ней, как Человек-паук. Я был самым сильным в мире супергероем, а папа курил, сидя на лавочке. Он пил настойки и прятал бутылочки в своей рабочей сумке, пока я спасал мир. Потом за нами приходила мама, и мы шли домой.

Не знаю, когда точно появилась третья детская площадка. Я видел её в окно. Она была во дворе зелёных домов, прямо за магазином, дальше которого я никогда не ходил.

Я видел детей на той детской площадке, но не знал их. Я запоминал, как они выглядят, и рассказывал о них другим. Мы должны были быть готовыми к знакомству. Дети всех детских площадок в мире ходят искать новые, рано или поздно. Потому что всем рано или поздно становится скучно. Даже взрослым. Мир так и не решил эту проблему.

Я был готов отправиться на ту детскую площадку. Я знал, что сделаю это сразу после того, как мне надоест падать в высокую траву с большой лестницы на старой детской площад-

ке. Когда я откажусь быть Человеком-пауком, потому что я спас всех в этом городе, даже несколько раз. Я сидел на краю той высоченной горки, как Питер Паркер на Эмпайр-стейт-билдинг, прилипший. Пока мама не позовёт меня домой.

Однажды, когда я с другими маленькими играл на площадке в самый разгар строительства подземного города, к нам пришли новые дети. Я узнал их. Я очень этому обрадовался. Но не новым знакомствам, а новым территориям, куда теперь я мог приходить без спросу. Теперь, в обмен на своё появление, дети с другой детской площадки обязаны были поделиться с нами всем, что сами имели.

Я слышал, у них была карусель без сидений. Это было важно. С тех пор, как два воскресенья назад я посмотрел научно-популярную передачу про Марс на Рен-ТВ, я готовил себя к полёту. Я готовился стать астронавтом, когда вырасту. Без вопросов.

Тогда у меня не было вопросов, я обязан был полететь. Теперь, когда я научился задавать вопросы, жизнь стала только сложнее.

Вопросов у меня не было и когда я увязался за одной девочкой. Она была новенькой. Я решил, что нравлюсь ей. Что в будущем нам суждено стать мужем и женой. Как мистер и миссис Смит. Потому что так всегда бывает в кино! Это показывали каждый вечер по СТС. Я увязался за незнакомкой, не думая о том, куда мы идём. Мои руки холодели от мысли, что я не умею целоваться. Ведь я правда не умел целоваться.

Потому что бабушка всегда говорила: «Закрой глаза, сейчас будут целоваться», а я её слушался.

Новенькая сказала: «Мой дядя работает тут охранником. Он разрешает мне брать всё, что я захочу. Любые шоколадки, мороженое. Всё, что угодно!»

Так мы зашли в продуктовый.

Наверное, я поверил ей, потому что мне было скучно, а её история казалась мне крутой. Меня же ждали шоколадки. Эта история не показалась мне ложью, ведь и у меня в этом магазине был знакомый охранник. Его звали Вова, с ним здоровалась мама, а мне он жал руку, прямо как взрослому. Большому. Покупавшему шоколадки по всем правилам.

Я шёл за незнакомкой и думал, какие шоколадки я могу взять. Чупа-чупсы и жвачки мне были неинтересны. Но киндер-сюрприз или киндер-шоколад стоили слишком дорого для бесплатного подарка от дяди незнакомой девочки с другой детской площадки. Я на секунду подумал, что, может быть, её дядя – это и есть Вова. Но его нигде не было.

Поведение джентльмена – вот о чём я думал в тот момент. Не брать в подарок больше положенного. Мысленно я уже был в чёрном костюме нараспашку, выглаженная белая рубашка, воротник поднят. У меня на лице солнцезащитные очки и борода. Все крутые носят бороду и солнцезащитные очки, без вопросов.

Мы остановились у кассы. Я взял в левую руку «Сникерс», а в правую – «Твикс», потому что не было «Марса»,

да и не нравился он мне.

– А теперь – бежим! – сказала незнакомка.

Она побежала на выход. Кто-то из кассиров закричал: «Воруют!». Я осмотрелся. Какой-то охранник, расталкивая народ, побежал к выходу, он выбежал на улицу и скрылся. Поднялся шум. Бросить шоколадки – об этом я подумал уже на улице. Девочка убежала направо, в сторону своей детской площадки. Там было её укрытие, там её никто не найдёт.

Я понял, что это подстава и теперь я сам за себя. В голове постоянно крутились фильмы, которые я видел. В которых я мог бы оказаться в главной роли. «Угнать за 60 секунд». «Одиннадцать друзей Оушена». «На игле». Да, точно, «На игле»! Выбери «Сникерс» в левую руку. Выбери «Твикс» в правую, потому что кончился «Марс». Выбери влюбиться в незнакомку, которая общается с тобой, чтобы подставить. Выбери левую сторону вместо правой – потому что все крутые воры разделяются. Выбери разогнаться и споткнуться. Прямо возле ворот...

Ворота склада медленно поднимались. За ними на корточках сидел какой-то парень в красном жилете – работник. Он улыбался и не хотел меня ругать. Он спокойно сказал: «Подойди ко мне». Я подошёл.

Он забрал у меня шоколадки. Я не сопротивлялся.

– Я тебя раньше тут не видел. Ты давно знаешь эту девочку?

Я промолчал.

Промолчал не потому, что не хотел раскрывать свою подельницу – я ничего о ней не знал. И промолчал, потому что мне было стыдно. Настолько стыдно, что после этого случая я решил никогда больше не ходить в этот магазин. Не знаю, конечно, связаны ли эти факты, но через пару лет магазин разорился, и больше туда уже никто не приходил.

Я вернулся на старую детскую площадку, но на горке кто-то катался. Другие люди-пауки. Я ненавидел себя, потому что теперь не заслуживал быть героем. Я отказался рисовать серым фломастером себе паутину на запястьях.

По дороге к дому я заметил родителей. Они курили на балконе. Из квартиры играла музыка. Мне помахали. А я сел на бордюр и заплакал.

Родители долго спрашивали меня, что случилось. Я им всё рассказал. Они посмеялись. Мне всегда хотелось стать таким же счастливым, как они. Они уже и не помнят, но были счастливы тогда. Может быть, и я был тогда счастлив.

Но тогда, сидя в том времени, на бордюре напротив дома, я плакал, и на меня смотрели все уличные собаки.

Мне было страшно.

Потому что я никогда не видел такого в кино.

ШРАМ

Вряд ли. Эта история точно не про меня. Хотя и зовут меня одинаково. Что тогда, что сейчас. Но дни тогда были не те. И люди были не те, что знали меня тогда, и не те, что слышали обо мне сейчас. У меня осталось только имя.

– Саша Чаакин, – сказал я, когда мы познакомились.

Началось последнее лето. Мне всегда казалось, что я умру после выпускного. Закончится школа, и я усну. Проснусь только в тридцать-с-чем-то. В рубашке, с щетиной на лице, за рулём серого автомобиля, мы с моей семьёй будем ехать к бабушке на выходные. Внуки и правнуки по щелчку.

Но тогда, в моё последнее лето, когда я сдал все экзамены, станцевал вальс с Таней Темниковой на выпускном и даже проводил её до дома, а после лёг в кровать до полуночи,

то проснулся тем же человеком. Тем же, что и вчера, в день выпускного, который так и не поцеловал одноклассницу Таню Темникову, хотя мог. Перед прощанием она долго смотрела в мои глаза. Улыбалась. Наивно и непредсказуемо. Как на премьере, в кинотеатре. И она взяла меня под локоть, когда я вёл её домой. Торопливо срезая дорогу арбековскими дворами. Тихими и бесфонарными. Наверное, она хотела чего-то большего. Ей наверняка хотелось чего-то побольше, чем моя фраза:

– Мне понравилось танцевать с тобой.

– А мне с тобой. Ты очень хорошо двигаешься.

– Ты тоже, – ответил я. Пора было идти. Я зачем-то сказал: – Мне нужно сдавать биологию.

Мы долго смотрели друг на друга, а потом она сказала:

– Печально.

Таня Темникова погладила меня по плечу и ушла. К себе домой. На третий этаж. Нет, вряд ли она имела в виду что-то ещё. Или я всё не так понял. Но, говорят, все девочки запоминают выпускной на всю жизнь.

Короче, следующим утром, когда я должен был оказаться уже взрослым, с профессией, женой и детьми, ведущим серый автомобиль, ничего из придуманного не произошло, и я проснулся таким же.

Тогда, тем утром, за завтраком, я знал, что не буду поступать в институт. Я даже не старался. Так бывает, если ты думаешь о чём-то большем. Или если твои учителя звонят ро-

дителям и говорят:

– Вы знали, что ваш сын решил сдавать литературу в этом году?

Он сказал об этом в середине апреля, когда экзамен будет в начале июня! Из нашей школы никто не сдаёт литературу, потому что экзамен очень серьёзный и очень сложный. Почему он не хочет стать врачом или учителем? Я и сама по первому образованию реаниматолог. Очень популярно среди молодёжи! Пожалуйста, объясните ему, что никто его не подготовит.

За завтраком папа сказал мне:

– Твоя жизнь познаётся действиями. Мыслями, к сожалению, ничего не добьёшься, – сказал он. – И передай сахар, пожалуйста. Твоя мама снова забыла, как я люблю.

– Да и ты тоже забыл, – ответила она.

А я ничего о том, как и кто любит, не знал. И каждое утро уходил на пруд. Рядом с Городской Больницей №6. Загорать и купаться. На пляж, усыпанный железными зонтиками и осколками пивных бутылок. Или же я отправлялся кататься на велосипеде с друзьями. Дороги постоянно вводили нас за город, в поля. Туда, где ездили тракторы и бегали зайцы. Мы ели дешёвые сухарики, пили тёплый лимонад и включали музыку на телефоне.

Были солнечные дни. Нам семнадцать лет, и мы царапаем колени и локти о колосья. Много шутим и много обсуждаем. Каждый день наша компания меняется. День ото дня она

становилась то больше, то меньше. С нами начали загорать и кататься все, кто хотел. Были знакомые из других школ, или те, кто приехал отдыхать сюда на лето. И была Оля Виньева. Двоюродная сестра моего одноклассника Миши.

У неё не было ни велосипеда, ни самоката, но она всегда готовила бутерброды для нас и носила их в своей маленькой плетёной корзинке. Она ездила с нами, сидя на чьём-нибудь багажнике. Чаще всего на моём, потому что он был удобнее всего. И потом я обмотал его мехом из старой папиной куртки, сделал настоящее сиденье.

– Зови меня Оля, пожалуйста, – попросила она, – Не путай меня с Верой или Валеёй. Или с каким-нибудь другим именем, которое нравится тебе больше, чем это.

– Хорошо, – ответил я.

– Говорят, ты всё утро загораешь на пляже Городской Больницы, – сказала она, держась за моё сиденье.

– Да, – ответил я.

– Говорят, здание на другом берегу – там морг.

– Это правда, – ответил я, и больше не крутил педали, начался спуск. – Я проходил там курсы медбрата.

– Говорят, если за трупами не приходят через месяц, их сжигают в местном крематории и развеивают прах над этим самым озером. И что по пляжу бродят духи. Они специально бьют там бутылки, чтобы к ним никто не приходил. Чтобы их никто не тревожил.

– Вряд ли, – ответил я. – Осколков там много, но никаких

духов я там не встречал. По утрам на пляже лишь я и тени от самолётов.

– Хорошо, – сказала она и обхватила меня сзади. Прижалась своей головой к моей спине.

Но тогда наш велосипед летел с горы, и я сам крепко держался за руль, чтобы не упасть. Вряд ли она имела в виду что-то ещё. Или я всё не так понял.

Я встретил её на пляже. Следующим, после нашего разговора о призраках, утром. В то время, когда обычно я один загорал и купался, или сидел под железным зонтиком, вытаскивая из ступней осколки пивных бутылок. А Оля, похоже, пришла раньше, ещё до первых троллейбусных тресков. Похоже, она вышла из дома вместе с дворниками и их собаками, и шла на пляж по ещё пыльным тротуарам. Чтобы встретить меня.

– Я взяла полотенца и бутерброды, – сказала она. И показала на свою плетёную корзиночку. – Я думала, ты будешь здесь с самого утра.

– Извини, – сказал я. – Я отводил сестру в летний лагерь.

– У тебя есть сестра?

– Да. Младшая. Ей, кажется, осенью будет семь.

Утром на пляже всегда холодно. И пахнет рыбой. Но если солнце поднимается рано, как тем самым летом, песок сохнет быстрее. И первые, самые верхние песчинки уже поднимает прохладный ветер с озера. Они застревают в твоих волосах и попадают в глаза, и пускают мурашки по обнажён-

ным ногам. Прохладный ветер с озера путал на лице у Оли её золотистые волосы. Она убирала их за ухо, но пряди снова выбивались и липли к алым губам. Почему-то цвет этих губ запомнился мне надолго.

Я постелил своё полотенце, которое всегда носил в рюкзаке вместе с запасными плавками, и сел рядом с Олей. Она была в очках. У неё были такие очки – красные, в форме сердец, какие носили все девушки в моих снах. И я никак не мог понять, смотрит она на меня или ищет глазами приведений из морга с другого берега.

– Вот так ты и проводишь каждое утро?

Я посмотрел вокруг. Мы сидели одни, и прохладный ветер с озера уже замёл мои следы.

– Да, – сказал я. – Иногда сюда приходят кошки и охотятся на уток или рыбу. Не знаю, получается ли это у них, но при мне у них ничего не получалось.

– Печально, – сказала она.

– А ещё я слушаю музыку. Знаешь группу «Кенгуру»²? – и взял телефон, чтобы включить, например, песню «Мустанг».

– Нет, я не слышала, – ответила Оля. – А ты знаешь Imagine Dragons³?

² «Кенгуру» – советская и российская музыкальная группа, основанная в 1989 году в Пензе. Определить жанр, в котором играет группа, крайне затруднительно.

³ Imagine Dragons – американская поп-рок-группа, образованная в 2008 году в городе Лас-Вегас, США.

– Да, я слышал.

– А почему их не слушаешь? Это моя любимая группа.

– Не знаю. Мне кажется, они не подходят этому пляжу.

И мне.

Она рассмеялась. Будто я пошутил, но я не шутил.

– Куда ты поступаешь? Миша говорит, тебе запретили сдавать литературу, и тебе пришлось сдавать биологию.

– Я подал документы в наш Государственный, на психологию. Но меня не возьмут. Я еле сдал математику.

– А я поступлю на дантиста, – ответила она. – Конечно, с детства моя мама готовила меня быть пианисткой, но потом она передумала, и я тоже передумала. Теперь я стану как папа – дантистом. И я бы очень хотела съездить в Италию. Только сама, или с друзьями, а не с родителями. А ты?

– Я бы съездил на Кубу, – сказал я.

– Почему?

– Там до сих пор по улицам ездят старые машины, а люди ходят в цветастых рубашках.

– Ты уже был там?

– Нет, – застеснялся я, – только читал.

– Печально, – сказала она.

– А мне кажется, это забавно.

Солнце уже согрело воду. И мы могли бы пойти купаться. Я заметил, что под своим платьем она одета в купальник. Он завязывался на шее и спине. И что в её плетёной корзиночке, кроме бутербродов, лежали кремы «для» и «против» загара.

– Ты хочешь плавать? – спросил я.

– В этом году я ещё не купалась. И я сильно закричу, – сказала она, – когда зайду в воду в первый раз. А мне, между прочим, нравится эта тишина. Тебе она нравится?

Мне она нравилась. Оля. И я хотел увидеть её в купальнике. Я разделся, снял шорты и рубашку и пошёл к воде. Я решил познать жизнь действием, как сказал мой папа.

– Я пойду в воду. Ты пойдёшь со мной, – сказал я.

– Да, – и стала снимать своё платье. – Не подсматривай! – попросила она.

Я прикрыл глаза рукой, но всё равно подсматривал. Через щель в пальцах. Вся её спина была усыпана родинками. Как цветами или созвездиями. Маленькими и аккуратненькими. И очень знакомыми. Она расправила свои золотистые волосы, подтянула лямки на купальнике и сказала мне:

– Теперь можно.

Она стояла передо мной в одном купальнике. Длинные волосы гладили её плечи. Её очки остались на полотенце. И тогда я увидел, куда смотрят её глаза. На меня.

Вряд ли она думала о чём-то ещё.

– Мой папа говорит, – сказал я, – что жизнь познаётся действиями.

– Тогда пошли купаться, – сказала она.

Она закричала, когда в первый раз вода коснулась её коленей. Но потом доплыла до середины пруда. И кричала мне оттуда, что там нет никаких призраков.

– Если бы тут были призраки, – сказала она, – они бы точно захотели утащить меня на дно. Потому что от меня много шума!

Мы решили пообедать. Она накормила меня. Бутерброды, что она принесла в плетёной корзиночке, были с привкусом песка. Хлеб размок, а колбаса нагрелась под солнцем. Но я ничего не сказал. Оля укуталась в большое жёлтое полотенце и снова надела очки. Её мокрые волосы блестели на солнце.

– Миша говорит, ты танцевал с Таней Темниковой. А потом проводил её до дома, – сказала она.

– Да.

– Вы целовались? – спросила она, дрожа.

– Нет.

– А ты хотел её поцеловать?

– Нет. – Но теперь я хотел поцеловать её, Олю, и поцеловать так, чтобы она перестала разговаривать.

– Миша говорит, она ждала поцелуя. А потом плакала весь вечер.

Я промолчал. Такое бывает, если виноват в чём-то, о чём не догадывался.

Оля продолжала рассматривать меня. И постоянно задавала вопросы. Всегда ли я был таким кудрявым? Люблю ли я клубничное мороженое? А почему я никогда не ездил за границу? Почему я никогда не был в лагере? Нравится ли мне «Титаник»? И почему я не смотрел «Короля Льва»? Почему я ношу рубашку вместе с шортами? И кем хотел быть в дет-

стве? И почему я слушаю «Кенгуру», а не Imagine Dragons? Это её любимая группа.

– Откуда у тебя этот шрам? – спросила она, показав на колено.

Он страшный. Этот бледный шрам на моём колене. И с загаром он стал заметнее, он никогда не становился темнее. Мама не раз говорила, шрамы украшают мужчин. Но теперь я знаю, что мужчин украшают правильные истории. А тогда я этого не знал и сказал:

– Это кошка. Я сидел на кухне. В одних трусах. Ждал, пока сварятся пельмени. А она, ну, моя кошка, запрыгнула... Впилась в меня когтями. И вот – остался шрам. Она дикая, кажется. Её дядя привозил к нам на время.

Оля посмотрела на меня. Тёплый ветер с озера развивал её волосы. И она щурила глаза из-за летающего песка, разглядывая меня и мой страшный шрам.

– Печально.

И мы поцеловались. Или она поцеловала меня, но я даже не сопротивлялся. Я бы и сам поцеловал её. Наверное. Но я уступил. Ещё когда она смеялась над моим молчанием в полях. И когда ездила на багажнике моего велосипеда. Потому что девушки сразу знают, чего хотят. И им остаётся только подыгрывать.

Тёплый ветер с озера дул сильно. Мы целовались, и я чувствовал, что песок попадает мне в уши и прилипает к нашим губам. И я знал, что ей плевать на это. И что это мой первый

поцелуй. После него мы не посмотрим друг другу в глаза.

А ещё я знал, что мы с Олей Виньевой больше никогда не увидимся. На следующий день она не пришла. И потом, я узнал это от Миши, она поступила в институт. На стоматолога. А через пару лет она родила ребёнка. И вышла замуж. Или что-то в этой истории было наоборот.

Так что вряд ли вся эта история про меня. Никто из тех, с кем я катался на велосипедах за городом, меня давно не видел. Мы не общаемся. А те, кто слышал обо мне сейчас, не знают эту историю, и не видели моего шрама, потому что теперь я не ношу шорты. И что я не люблю Imagine Dragons. Я люблю «Кенгуру» и их песню, например, «Город Пенза», а может и «Это был я». Это же я.

Я так и провёл всё лето на озере, царапая ноги в кровь осколками пивных бутылок. Пока озеро не закрыли в середине июля. Там кто-то утонул. А может быть, наконец-таки всплыл. Когда моей сестре исполнилось семь, мой папа сказал, что мы переезжаем жить в Москву. Город, который я никогда ещё не видел.

– Уж там ты найдёшь себе место, – сказали родители.

И я подумал, что они лучше знают. И подыграл им.

АПРЕЛЬСКИМ УТРОМ НА ЮГЕ МОСКВЫ

Апрельское утро на юге Москвы. Улицы наполнены музы-

кой. Машины гудят в унисон поющим птицам, лающим собакам и кричащим детям. В окнах домов и витринах бульварных киосков лениво отражается солнце. Прямо над головой зеленеют деревья. Под подошвой – ручьи, осколки, бычки.

Свиринский идет по мокрому тротуару. Вдали он узнает знакомый силуэт и кричит:

– Ко-ос! – и поднимает руку, машет.

Силуэт оборачивается, кивает и ждёт. Прозвища появляются случайно. Плохие запоминаются лучше всего. Этот раз для Колосова стал исключением.

– Привет, – и ребята жмут руки. – Только что видел Кофрова, – говорит Колосов. – Догоним? Он, кажется, уже внутри. – Не-е. Не хочется его отвлекать. Он и так постоянно опаздывает, но в этот раз он далеко не последний.

Мимо парней пронеслось ещё несколько учеников школы, в которой они учились, и один учитель. Имени у учителя не было, потому что никто его не любил и поэтому он ничего не преподавал.

Свиринский и Колосов пошли вдвоём. За два года старшей школы, подумал Колосов, он в совершенстве научился опаздывать и обманывать. Из багажа в голове можно было найти два стихотворения – «Одиночество» Ивана Бунина и «Жирафа» Николая Гумилёва, да, и ещё дату начала кубинской революции – 26 июля 1953-го. Свиринскому же было достаточно интегралов, трудового права и альбомографии Эминема. На физике друзья-одноклассники рисовали

в учебнике, на алгебре шутили про жизнь прогульщицы Маши, а физкультуру пропускали.

О ней Свиринский говорил так:

– На неё даже тренеры не приходят. Зачем тогда там быть нам? Пошли по домам.

Колосов дёргает ручку школьной двери.

– Закрыто.

Парни смеются. Видимо, это всё. Охранник закрыл двери и пошёл на обход. Всё, как учат.

– Ну, раз нас никто не ждёт...

– Свиринский разводит руками.

– Тогда пошли гулять.

Нужно обязательно выйти на Черноморский бульвар. Без него ничего не получится. Между собой этот бульвар называется – «Чертановская Миля», хоть и даже до самого ближайшего Чертаново тут идти минут десять в совершенно другую сторону. Но в жизни ребят всё, как в том фильме. Стоило Свиринскому зачитать перед друзьями куплет трека Касты «Вокруг шум» возле вентиляционного домика, как Колосов обозвал это место:

– Чертановская миля! – вспоминая таким образом Эминема и его Восьмую милю.

Колосов прячет руки в карманах серого плащика. Он представляет себя причастным к мафии. Но одноклассники ещё не смотрели «Крёстного отца» или «Клан Сопрано»

и поэтому называли эту одежду «формой трудовика», и Колосову было самому смешно, потому что плащик и правда был похож. Сви́ринский же копирует Маршалла Мэтерса Третьего. Даже походка «реперская» – он тянет левую ногу, как подстреленный или тому подобные. So bad⁴.

– Звонил вчера Квентин⁵, – лениво начинает Колосов. – Просился переночевать.

– Снова? Вот гад! Почему он никогда не снимает номер в отеле?

– Вот и я о том же, – вздыхает Колосов. – Короче, только я телефон отложил, а он в дверь звонит! Пришлось впустить.

– И чё он?

– А ты знаешь, у меня мама дома, соседки по квартире. Всем рано вставать на работу.

Сви́ринский сочувственно качает головой. Он, конечно, знает.

– Пошли мы с Квентином на кухню. Я чай завариваю, а он водку достаёт, от закуски отказывается.

– Мама твоя, наверное, злилась.

– Ну, не совсем чтобы так, чтобы с криками, нет... Она у меня спокойная, всегда поймёт. Но вчера она зашла на кухню, зевнула так сильно и протяжно, и говорит: «Слышь,

⁴ «So bad» – песня американского реп-исполнителя Eminem. В данном случае обыгрывается название и описание поведения.

⁵ Квентин Тарантино – американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер, актёр и писатель. Один из наиболее ярких представителей постмодернизма в независимом кинематографе.

Квентин! Ты, говорит, наверное, не заметил, но тут людям на работу надо вставать в шесть с фигом-ли, и тебя вообще приходить не просили». А он, гад, целует ей руки, даёт денег и просит включить «Goodnight Moon», танцевать твист хочет. Ладно, думаю, на часок. Часок – это нормально. Короче, попели, потанцевали, легли спать. Я его уложил рядом, постелил одеяло под телевизором. Он во сне ворочается, как шиншилла. Я боялся, он мне всё побьёт. Ну, а утром я его, конечно, до метро проводил – там пусть сам решает. Я же не против человеку помочь, но границы тоже знать надо. В ресторан приглашал. Говорит, открыл на Новом Арбате.

– О, надо будет заглянуть!

– Да, как-нибудь. Лет через пять его точно закроют, но мы лучше подождём телефонного звонка и лимузина.

Парни идут и смеются. Теперь слово за Свиринским:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.